

Ю. С. СТЕПАНОВ

СОВРЕМЕННЫЕ СВЯЗИ ЛИНГВИСТИКИ И ЛОГИКИ

Категории функции, пропозициональной связи, синтаксического отрицания

1. Развитие языкознания за последние несколько лет снова сделало чрезвычайно актуальным вопрос о связи лингвистики и логики. В предвидимом будущем эти две науки будут по всей вероятности все более тесно взаимодействовать. Целесообразно поэтому уже сейчас приступить к рассмотрению их осуществившихся контактов и таких параллелей, которые обещают завершиться полными контактами. Для многих лингвистов-практиков взаимоотношения логики и языкознания все еще представляются такими, какими они сложились к началу XX в.: так называемая «проблема суждения и предложения», категории мысли и категории языка, мышление «первобытное» и «современное» и т. п. — все эти вопросы часто ассоциируются у лингвиста с темой «логика и лингвистика», вызывая скорее отрицательное отношение к ней. На самом деле в настоящее время существуют две различные проблемы, или, лучше сказать, два различных подхода к этой теме.

1. С одной стороны, остается актуальной проблема взаимоотношения языка и мышления, в которой центральное место занимает вопрос о содержательной стороне языка и мышления. Вопрос о формах того и другого при этом находится в зависимости от решения вопроса о содержании. Здесь наметилось два основных течения. В одном из них проблема освещается обычно в таких терминах: «структура предложения и структура выражаемых им суждения, вопроса, побуждения», «члены предложения и компоненты суждения», «категории числа и счета», «модальности и наклонения» и т. д.¹ В другом течении проблема ставится в общем в терминах «глубинных» и «поверхностных структур» с их более частными разновидностями². В отдельных работах предлагается подход в терминах «языкового» или «речевого мышления»³. Историческими предшественниками исследователей, работающих теперь в русле этого течения, были те логики и лингвисты, которые при всем различии воззрений так или иначе исходили из тесной связи содержания мышления и содержания языковых форм (Аристотель, логики Пор-Рояля, Э. Сепир и Б. Л. Уорф, Л. Вейсгербер, И. И. Мещанинов и др.).

2. С другой стороны, по-новому встала проблема взаимоотношения лингвистики и логики как наук. Центральное ме-

¹ См.: В. З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 113, и сл.; 200 и сл.; Г. В. Колшанский, Логика и структура языка, М., 1965, стр. 75—76.

² См.: В. Г. Гак, Проблемы лексико-грамматической организации предложения. АДД, М., 1968; Н. Д. Арутюнова, Проблемы синтаксиса и семантики в работах Ч. Филлмора, ВЯ, 1973, 1. Ср. подобный подход на материале лексики: А. А. Уфимцев, Слово в лексико-семантической системе языка, М., 1968.

³ См.: Г. П. Щедровицкий, «Языковое мышление» и методы его исследования. АКД, М., 1964; С. Д. Кэцнельсон, Типология языка и речевое мышление, М.—Л., 1971.

сто занимает здесь вопрос о формах языка и формах мышления, а вопрос о содержании ставится в зависимость от решения вопроса о формах и вопроса о методах описания форм. В рамках этой проблемы выявился целый ряд общих для логики и языкознания категорий: оппозиция; дихотомия и бинарность; понятие классификации; исчисление системы; функция; импликация, конъюнкция и другие операции; категории осуществимости и бесконечности (например, в связи с вопросом об осуществимости цепочки порождений в генеративной грамматике) и т. д. Как это на первый взгляд ни парадоксально, исследователи этих вопросов имеют своими предшественниками тех ученых, которые отрицали связи логики и языка (Г. Штейнталь, А. А. Потебня).

В 60-е годы в предмете лингвистики и логики открылась целая новая область для них исследований, которая постепенно получает все более определенное наименование: «язык как действие» и «язык в действии» (ср. франц. «langage en exercice», «langue en situation»), «акт высказывания» («énoncement et énonciation») в отличие от «высказывания» («énoncé»). Она охватывает такие категории, как референция и денотат; основные референциальные точки языка в местоимениях и глаголах («принцип *я-здесь-сейчас*» и его антропоцентрический характер); абсолютная и относительная референция, распространение подвижной референции с основных точек на другие (от «я» к «этот», «здесь» и к подобным словам-указателям), дейксис и анафора; далее, перформативная функция слова и предложения (в отличие от номинативной, дескриптивной и ассертивной функций); пропозициональная связка (вообще и, в частности, в предложениях бытийных, с глаголом «быть» и без него); синтаксическая функция в логическом смысле; модальность, и т. д. В новой области два названных выше подхода лингвистов к логической проблематике соприкасаются, и в круг темы «лингвистика и логика» опять, но уже по-новому, включаются проблемы семантики. Они решаются при этом в зависимости от решения вопроса о формах и на основе сходства приемов и методов лингвистики как науки о языке с приемами и методами логики как науки о законах и формах мышления.

Все современные контакты логики и лингвистики сделали совершенно очевидным, что совпадение теоретических понятий обеих наук в указанном смысле — положительный фактор, что когда какое-либо понятие лингвистики, одноименное с логическим или параллельное ему, все же отличается от него, целесообразно уточнить его и максимально приблизить к логическому (если, конечно, специфика языка не препятствует этому). В настоящей статье будут подробнее рассмотрены три таких понятия, названных в заголовке.

II. Логико-математическому понятию функции дается много определений с различных точек зрения⁴. Наиболее отвечающим решению тех проблем, которые подробнее рассматриваются ниже, будет определение по Х. Карри, в котором понятие функции вводится на основе понятия функтора. Х. Карри выделяет следующие основные виды функторов: «операторы», преобразующие имена в имена, «глаголы», или «предикаторы», преобразующие имена в предложения, «коннекторы», преобразующие предложения в предложения, и «субнекторы», преобразующие предложения в имена⁵. Логические термины «глагол», «предложение», «имя» не тождественны лингвистическим, но функтор может получить тождественное для логики и лингвистики определение. Мы определим функтор как языковое средство транспозиции

⁴ См.: Н. И. Кондаков, Логический словарь, М., 1971, стр. 580—581.

⁵ Х. Б. Карри, Основания математической логики, М., 1969, стр. 63.

одного множества языковых единиц в другое множество единиц того же языка. Функция есть свойство, или значение, фактора. Это определение является адекватным как для логики, так и для лингвистики.

Прежде чем перейти к разъяснению входящих в определение понятий, приведем простой пример функции. Если принять за исходное множество единиц русские глаголы типа *сообщать, выражать, исполнять* и т. п., а за производное множество единиц *сообщение, выражение, исполнение* и то, что (как) *сообщается, исполняется*, то отношение от первого множества ко второму будет функцией, а языковые формы *-ение; то, что (как) — -(ает)-ся* будут языковыми средствами этой функции, факторами.

В определение входят термины «языковая единица», «транспозиция», «фактор как языковое средство транспозиции». Остановимся на них подробнее. Под единицами в этом определении всегда следует понимать только то, что терминологически определено как единицы языка, т. е. фонемы, морфемы, слова, словосочетания, предложения. Под множеством единиц, которое данная функция транспонирует в другое множество, следует понимать совокупность одноименных единиц из приведенного перечня.

Под транспозицией следует понимать такое языковое явление, когда языковая единица, или языковой знак, не меняя своего основного «вещественного» значения, изменяет грамматическое значение. Соответственно тому, проявляется ли транспозиция а) лишь в изменении синтаксического окружения и сочетаемости или б) в изменении линейного означающего знака, она разделяется на два вида — имплицитная транспозиция, или гипотеза, и эксплицитная, или факциональная транспозиция. Примером гипотеза могут служить такие выражения, как *Ваши нет мне надоели*, где слово *нет* транспонировано в существительное. Развернутую систему гипотеза междометий описал С. Карцевский, показав, что русские междометия могут транспонироваться не просто в глагол, но в глагол переходный или непереходный; например, *В воду бух!*; *Он схватил камень, да бух его в реку!*⁶. Примером эксплицитной транспозиции могут служить приведенные выше примеры: *сообщения; то, что сообщается* при *сообщать* и др.

Изложенное понимание транспозиции, как и самые термины, полностью соответствуют концепции этого явления у Ш. Балли⁷. Намеченные у Балли основные категории отвечают наиболее ярко выраженным, полярным случаям. Во многих других, промежуточных случаях имеет место лишь некоторый сдвиг в сторону гипотеза, когда перестраивается парадигма знака, что сопровождается некоторым изменением линейного означающего. Примером этого может служить конверсия в английском языке (см. также ниже). В учении Ш. Балли транспозиция была четко ограничена областью продуктивных явлений языка — не обязательно «чисто синхронными» отношениями, но непременно живыми и продуктивными связями языковых единиц. Однако это ограничение у Ш. Балли было слишком жестким: по его мнению, всякое изменение «вещественного» значения полностью исключается из понятия транспозиции. С этой точки зрения, например, чисто относительные прилагательные могут рассматриваться как транспозиция существительного, ср. русск. *сестрин=сестры, отцов=отца, мужнин=мужа*, но прилагательные типа *отцовский* уже не могут, так как в отношении *отцовский — отец* имеется сдвиг «вещественного»,

⁶ S. Karcevski, Introduction à l'étude de l'interjection, CFS, 1, 1941.

⁷ См.: Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 130—143, 181—182.

значения, ср. *отцовские чувства* «чувства любви или привязанности, как у отца к детям».

Этот пункт в концепции Ш. Балли нуждается в уточнении и уточняется через понятие «множества», входящего в определение функции. Из понятия транспозиции, а следовательно, и функции, исключаются лишь те языковые явления, которые не прослеживаются регулярно на множестве аналогичных случаев и поэтому не допускают обобщения. Но те отношения, которые сопровождаются регулярным и предсказуемым изменением «вещественного» значения, подводятся под понятие транспозиции и функции. С этой точки зрения отношения типа *летчик, разметчик, писатель, читатель* и т. п. к соответствующим глаголам являются отношениями функции, так как они представляют собой, во-первых, изменение грамматического значения («летать» — «тот, кто летает» и т. п.), а, во-вторых, регулярное изменение «вещественного» значения («профессия или социальная группа»).

Множество единиц, которое подвергается транспозиции, составляет область определения данной функции. Естественно, что во многих случаях потребуются описать также и то множество единиц, которое получается в результате действия данной функции, поскольку в естественном языке, в отличие от логического, значения функтора и значения конечных продуктов его применения в большинстве случаев, как видно уже из приведенных примеров, несколько отличаются друг от друга. Однако это описание, вообще говоря, не требуется для понимания самой функции, которая достаточно определяется функтором и областью определения. Напротив, в некоторых случаях, особенно когда не требуется детализации, можно описать функцию, указав исходное множество единиц и конечное множество единиц и избегая таким образом описания функтора.

Понятие функтора является дальнейшим развитием уже изложенной концепции транспозиции. Очевидно, что функтор может быть отдельной языковой единицей, сочетанием отдельных единиц в синтагму, и, как будет показано ниже, структурной схемой предложения, а также операцией преобразования. Рассмотрим подробнее каждый из четырех случаев.

1. Функтор-языковая единица может быть морфемой, словом, словосочетанием, а также фонемой. Функторы-морфемы достаточно иллюстрируются вышеприведенными примерами. Функторами-словами будут, например, глаголы, выполняющие функции перевода полнозначного глагола одной категории в другую. Таковы, например, франц. *laisser* и *faire*; ср. *tomber* «упасть», *laisser tomber* «уронить», *faire tomber* «опрокинуть»; *croire* «верить», *faire (à)croire* «заставить поверить; внушить мысль». В этом примере категория, в которую переводятся простые глаголы, — каузатив. Функторами-словосочетаниями являются, например, союзные слова: *вследствие того, что; в силу того обстоятельства, что; прежде чем* и т. п.

Поскольку функтор есть языковая единица, служащая транспозиции одной языковой единицы в другую, сам функтор никогда не может быть единицей того же типа (яруса, уровня, устройства, — вообще, того же наименования), что и единица, или единицы, служащие его исходным и конечным продуктом. Единицы из области определения функции, служащие исходным продуктом, должны, по самой сути функции, входить в функтор. В линейном отношении, следовательно, функтор должен быть длиннее исходных единиц: более короткие входят в более длинные. Но каким образом слово может «войти» в суффикс, если функтором является суффикс? Как, например, слово *летать*, относящееся к области определения суффикса-функтора *-чик*, может «войти в суффикс»? Чтобы не впасть

здесь в противоречие необходимо теоретически записывать суффикс как «—чик» и понимать его, следовательно, как абстрактную единицу с незаполненным местом, требующую всегда того или иного наполнения и преобразующую то, что попадает в это место. Так же и в случае «laisser —» и во всех подобных.

Функтор-фонема может быть на материале языков с палатализацией иллюстрирован фонемой *j*, которая в современных описаниях с позиций «порождения» или «глубинных структур» закономерно рассматривается как функтор, в определенных условиях преобразующий предшествующую фонему (например, русск. *сид + j + у → сижу*), а в определенных других условиях — последующую (например, литов. ед. число прошедшего вр. глагола *sakyti* «говорить, сказать»; 1-е лицо *sak + j + a + u → sakiau* «я сказал», 2-е лицо *sak + j + a + i → sakei*, 3-е лицо *sak + j + a + a → sake*).

2. Функтор-синтагма является минимальной моделью синтаксического построения, в котором релевантными элементами служат порядок слов и/или формальные показатели связи. Ср. русск. *острый нож*, но *нож острый*, где релевантно только расположение элементов. В еще более яркой форме проявляется это в английском, ср. *stone wall*, но *wall stone*, *grammar school*, но *school grammar*. Простейшим видом формальной связи служит согласование, под которое мы подводим не только согласование существительного с прилагательным, но и глагола с дополнением. В самом деле, в таких случаях, как русск. *въ-ехать в город*, *подойти под обрывец*, *под-лезть под стол*, *с-прыгнуть с крыльца* и т. п., один формальный показатель распространяется на всю группу «глагол + имя», подобно тому, как это имеет место в группе «прилагательное + существительное». Предложное управление в русском языке во многих случаях может быть сведено к согласованию с одним опущенным показателем, ср. *ехать в город* ← *въ-ехать в город*; *играть на рояле* ← *на-играть на рояле*⁸. Функтор, соответствующий структурной схеме предложения, рассматривается дальше особо (см. III).

3. Функтор-операция должен быть выделен в особый вид. Вообще говоря, всякий функтор представляет собой операцию, не исключая и функтора-фонемы. Но до тех пор, пока эта операция может быть обозначена отдельной единицей, мы говорим о функторах как сегментных (1-й тип), и суперсегментных (2-й тип) единицах. Лишь в том случае, если операция требует для своего языкового выражения более чем одной единицы, и эти единицы действуют не симультанно, а последовательно одна за другой, мы выделяем ее функтор в особый, 3-й тип.

Примером функтора-операции могут служить в общем случае все синтаксические трансформации при условии, что они применимы к некоторому множеству синтаксических явлений, а не к отдельным явлениям. Согласно общепринятой точке зрения, конструкции с род. падежом при имени представляют собой результат ряда преобразований глагола с им. падежом субъекта или вин. падежом объекта, ср. *приглашение отца* ← *отец пригласил* или *отца пригласили*. Под понятие функтора-операции могут быть подведены также некоторые виды конверсии⁹.

В применении к фонологическому материалу понятие функтора-операции позволяет обобщить многие разновидности порождающих процедур. Под него подходят понятия «модификатора» (сонантов и нейтрально-

⁸ Подробнее см.: Ю. С. Степанов, Проблема классификации падежей, ВЯ, 1968, 6, стр. 44—46.

⁹ См.: Ю. С. Степанов, Французская стилистика, М., 1965, стр. 77—82, 97—100.

го гласного) в порождающей фонологии В. В. Мартынова¹⁰; понятие глайдов и «главного класса признаков» в системе Н. Хомского — М. Халле¹¹; понятие «расщепления периферийных локальных типов» в системе В. А. Виноградова¹²; понятие нейтрализации в опыте В. М. Бельдяна¹³, развившего некоторые идеи П. С. Кузнецова. Под это понятие подходят также практические рекомендации отдельных фонетистов располагать иностранный фонемный материал для обучения в таком порядке, чтобы можно было вводить каждую новую фонему путем минимального изменения признаков ранее введенной фонемы¹⁴.

От понятия функции как значения функтора необходимо отличать понятие языкового обоснования самого функтора. Этот тип отношений подробно исследован в ряде работ Е. Куриловича и Э. Бенвениста и получил (у Е. Куриловича) название *rapports de fondement* «отношения основания (или: обоснования)». То, что обосновывает функтор, не обязательно исторически ему предшествует. Форма, возникшая позже, может стать синхронным обоснованием функтора. Так, в индоевропейских языках относительное предложение возникает позже, чем именное сложение, но в синхронном плане становится обоснованием последнего. Развивая понятие функции, Э. Бенвенист предлагает, в частности, рассматривать индоевропейское именное сложение (типа бахуврихи русск. *черноглазый*, франц. *bateau-mouche* «речной трамвай», буквально: «пароход-мушка») не как морфологическую, а как синтаксическую структуру («именное сложение — это микросинтаксис») и «синтаксическую функцию». Э. Бенвенист показал, что «синтаксические функции» являются универсальными категориями разных языков¹⁵. Переводя терминологию Э. Бенвениста в ту, которой мы придерживаемся, можно, как кажется, внести некоторые уточнения и показать, что возможны две трактовки. При одной из них, как и поступает Э. Бенвенист, можно определить функцию сложного имени так: транспонировать актуальное отношение предикации, выраженное базовым предложением, в виртуальное. У каждого типа сложного имени оказывается свое «базовое предложение» (например, у типа франц. *le bateau-mouche* им будет *Le bateau qui est une mouche* «Пароход, который есть мушка»)¹⁶.

При второй трактовке «базовое предложение» определяет строение функтора сложных имен, но не имеет вхождения в сложное имя; таким образом, между базовым предложением и сложным именем — отношения

¹⁰ В. В. Мартынов, Славянская и индоевропейская аккомодация, Минск, 1968, стр. 13 и сл.

¹¹ N. Chomsky, M. Halle, The sound pattern of English, New York, 1968, стр. 295—303.

¹² В. А. Виноградов, Консонантизм и вокализм русского языка, М., 1971, стр. 29—30.

¹³ В. М. Бельдян, Звуковая система современного русского языка и вопросы нейтрализации фонем. АКД, М., 1968.

¹⁴ В. А. Виноградов, указ. соч., стр. 9—10; А. Н. Рапанович, Фонетика французского языка, М., 1969, стр. 113—115.

¹⁵ См. об этом ряд статей в кн.: E. Benveniste, Problèmes de linguistique générale, Paris, 1966; а также см.: E. Benveniste, Fondements syntaxiques de la composition nominale, BSLP, 62, 1967; Понятие синтаксической функции Бенвениста было применено к описанию русского материала Ж. Веренком, см.: J. Verenck, Structure syntaxique des composés en russe, там же; е го же, Expansion syntaxique et classement des préverbes, «Slavica», VIII, 1968.

¹⁶ Заметим, что Э. Бенвенист, идя от своего материала, нащупал здесь тонкие логико-лингвистические различия в функциях глагола «быть» (индоевропейских языков), которые с иной стороны получили более полную классификацию в работе К. Берки (К. Берка, Функции глагола «быть» с точки зрения современной формальной логики, сб. «Логико-грамматические очерки», М., 1961, стр. 170 и сл.), где «быть» как «подобно» соответствует третьему значению.

синтаксического обоснования функтора. Тогда областью определения сложного имени являются простые имена; функция сложного имени заключается в совмещении двух раздельных наименований в одном, или, что то же самое, в совмещении двух естественных языковых классификаций в одной, и, по крайней мере, для некоторых типов имен, — в одновременной адъективации наименования, в транспозиции его из существительного в прилагательное, ср. *черноглазый*; (Аполлон) *сребролукый* и их греческие аналоги. Две классификации, например, в случае *черноглазый* таковы: 1) черный, но не весь черный, а только 2) в отношении глаз¹⁷. Функтором сложного имени является синтаксическое примыкание двух терминов, или «первичная именная синтагма».

Еще сравнительно недавно отмечалось: «... за последние десятилетия термины „структура“ и „функция“ стали наиболее двусмысленными и трафаретными словечками в науке о языке. Особенно часто смешиваются омонимичные термины функция как „роль, задача“ (в аспекте целевой модели) и функция как „соответствие между двумя переменными“; в „Философском словаре“ Лаланда справедливо подчеркивается, что «здесь скрывается источник путаницы, которая делает многие страницы, написанные в наше время, непонятными»¹⁸. В том понимании функции, которое мы, вслед за Э. Бенвенистом и другими исследователями, развивали здесь, этот разрыв преодолевается, и оба значения получают ясную связь: функция есть транспозиция и в этом смысле — соответствие между двумя переменными; но эта транспозиция, всегда создавая единицу языка, актуальную для данной ситуации, выполняет тем самым определенную задачу говорящего и в этом смысле отвечает его целевой установке, получая «роль и задачу». Предстоит исследовать, какие еще лингвистические понятия, кроме рассмотренных выше, могут быть подведены под это понятие функции¹⁹.

III. Остановимся теперь на одной категории, которую определенно следует рассматривать как разновидность функции, — на понятии пропозициональной функции, или пропозициональной связи.

Поскольку речь идет о синтагматическом аспекте языка, центральным пунктом здесь оказывается предложение и высказывание. В логике они рассматриваются в разных ее разделах: 1) в аристотелевском учении о суждении с его основной формулой «*S* есть *P*» и ее обычной атрибутивной интерпретацией (*P* как признак *S*), что в свою очередь связано с категориями «понятие», «объем», «класс»; 2) в формализации этого учения по линии учения о классах, в булевых алгебрах; 3) в иной формализации, по линии учения о силлогизмах, в исчислении высказываний; 4) в логике отношений; 5) в наиболее современном виде — в виде исчисления предикатов. В лингвистике уживаются и сосуществуют аналоги почти всех названных логических систем. До последнего времени не прекращались опыты, в целом мало продуктивные, непосредственного увязывания аристотелевского учения о суждении с лингвистическим учением о предложении²⁰.

¹⁷ См.: Ю. С. Степанов, О партитивном определении в латинском, испанском и французском языках, ФН, 1959, 2.

¹⁸ Р. Якобсон, Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами, «Новое в лингвистике», IV, М., 1965, стр. 377.

¹⁹ Э. Бенвенист сделал попытку определить через понятие функции категорию значения, он полагает, что «значение языковой единицы можно определить как способность этой единицы быть составной частью единицы высшего уровня», и указывает на сходство этого отношения вхождения с «пропозициональной функцией» Рассела (Э. Бенвенист, Уровни лингвистического анализа, сб. «Новое в лингвистике», IV, стр. 444).

²⁰ См., например, соответствующие статьи в сборниках: «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950; сб. «Логико-грамматические очерки».

Интересные и перспективные работы Т. П. Ломтева²¹ составляют, как нам думается, своеобразный аналог логики отношений. Исследования, проводимые в русле синтаксической концепции академической «Грамматики современного русского литературного языка» 1970 г., и некоторые ее разделы, несмотря на отсутствие внешнего сходства (формального аппарата и т. д.), можно, по-видимому, считать наиболее полными лингвистическими аналогами логического исчисления предикатов (см. ниже о концепции сложного предложения В. А. Белошапковой).

Остановимся прежде на пропозициональной связке в простом предложении. Функтором здесь будет «структурная схема предложения»²². Как функтор структурная схема простого предложения имеет областью определения функции лексику, т. е. слова, заполняющие соответствующие места в этой схеме (так как предложение — в большинстве случаев функция многоместная); значение этой схемы-функтора — предикаторное, предикация. Структурная схема простого предложения является абстрактной единицей в том же смысле, что и суффикс (например, «—чик»). Функторы-предикаты создаются структурой самого предложения, его структурной схемой; глаголы же являются отдельными словами, способными заполнять соответствующие места функторов-предикатов, в чем и проявляют свое первичное назначение. Подчеркнуть это особенно важно потому, что авторы некоторых работ (например, Т. П. Ломтев) придерживаются иной концепции, согласно которой описать глагол можно, только описав структуру предиката, в котором этот глагол способен употребляться²³.

Для выяснения вопроса о пропозициональной связке в сложном предложении будем основываться на исследованиях В. А. Белошапковой²⁴. Суть концепции автора заключается в том, что сложное предложение — не единица того же уровня, что простое предложение (как считают некоторые современные исследователи). Собственным грамматическим значением простого предложения является предикативность (в прежнем, неполном понимании), собственным же грамматическим значением сложного предложения — смысловые отношения между соединяющимися в его составе компонентами. Предикативность у сложного предложения является не его значением, а, будучи необходимым качеством его компонентов, — элементом его структуры. Отношения между компонентами сложного предложения — той же природы, что и отношения между словоформами, соединяющимися в составе словосочетаний, но выражаются эти отношения иными средствами, совпадающими лишь отчасти с системой средств выражения связей между словоформами. «Система сложного предложения предполагает существование системы простого предложения и словосочетания со свойственными им закономерностями; она строится над эти-

²¹ См., например: Т. П. Ломтев, Структура предложения в славянских языках как выражение структуры предиката, «Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации», М., 1968.

²² Говоря о структурной схеме предложения, мы используем термин и соответствующее понятие академической «Грамматики современного русского литературного языка» (М., 1970, §§ 1282—1288, 1290—1291), которые, однако, в несколько ином виде и независимо развиваются и в других работах. См., например, Г. В. Петрова, Принципы синтаксической таксономии. АКД, М., 1971.

²³ Смещение «синтаксической парадигмы» как структуры предиката предложения и «семантической парадигмы» как структуры групп глаголов, могущих употребляться в данном предикате, отмечалось в литературе; см.: Г. В. Петрова, О понятии парадигмы в семантике и синтаксисе, «Вестник МГУ», Серия Х. Филология, 1970, 6.

²⁴ См. ее последние по времени работы: В. А. Белошапкова, Сложное предложение в современном русском языке, АДД, М., 1970, а также и соответствующий раздел академической «Грамматики».

ми системами и на их основе»²⁵. Таким образом, последние являются синтаксическим обоснованием схемы сложного предложения.

Что сближает этот подход с отмеченными выше логическими концепциями? Если бы сложное предложение рассматривалось в одном ряду с простым, то с логической точки зрения его структура сводилась бы к структуре простого предложения, т. е. к различным видам пропозициональной связки « S есть PB » и к многоместным предикатам. Такое освещение было бы, очевидно, аналогично рассмотрению всех относящихся сюда логических проблем синтаксиса с довольно узкой точки зрения — либо логики отношений, либо формализованной силлогистики и исчисления высказываний. Но в данной концепции сложные предложения рассматриваются с точки зрения всего многообразия логических отношений между их частями и способов выражения этих отношений, взятых в их синтаксической системе, и в этом многообразии простая пропозициональная связка и многоместные предикаты простого предложения оказываются лишь частными случаями. Это аналогично расширению исчисления предикатов в логике. Чрезвычайно важно при этом и то, что такая лингвистическая система позволяет (подобно тому, как это делается в исчислении предикатов) каждому предикату поставить в соответствие определенную функцию²⁶, что гораздо хуже удается применительно к простой связке « S есть P » — основной связке простого предложения.

Дадим теперь общее лингвистическое определение пропозициональной функции. Функцией пропозициональной функции служит та языковая форма предикации, которая называется структурной схемой предложения. Следовательно, в языке столько разновидностей пропозициональной функции, сколько структурных схем предложения — как простого, так и сложного. Поскольку схема характеризуется лексическим наполнением, а схема сложного предложения имеет наполнение в виде схем простых предложений, то «областью определения» пропозициональной функции является совокупность единиц, служащих наполнению соответствующей структурной схемы. Если исходными компонентами схемы были непредикативные единицы, то результатом применения функции будет простая предикация (простое предложение); если компонентами были предикативные единицы, то результатом окажется предикация того типа, которая характерна для сложного предложения. Таким образом, с содержательной стороны пропозициональная функция покрывает все формы предикации, существующие в данном языке (за исключением так называемых форм «неспециально предназначенных для предикации»²⁷).

Данные здесь определения позволяют наиболее естественным образом разграничить структуру предиката (ею будет структурная схема предложения, или функтор) и семантику предиката (ею будет, во-первых, «область определения» — лексическое наполнение или наполнение синтаксическое, если наполнителями структурной схемы оказываются более простые синтаксические единицы, как, например, простые предложения в составе сложного предложения; во-вторых, значение самого функтора). Может, однако, оказаться целесообразным не включать значение функтора (т. е. саму функцию) в семантику предиката. Поскольку разграничение сделано, это уже второстепенный вопрос.

IV. Категорию синтаксического отрицания будем рассматривать на основе понятия пропозициональной функции. Области

²⁵ В. А. Белошапкова, Автореф., стр. 4.

²⁶ См. определение пропозициональных связок: Н. И. Кондаков указ. соч., стр. 420—421.

²⁷ См. о них: «Грамматика» 1970 г., § 1282.

определения пропозициональной функции, как правило, ограничиваются а) со стороны лексики, б) со стороны семантики, в) со стороны набора простых предложений, — короче говоря, со стороны любого из ее наполнителей.

Посмотрим, в чем могут заключаться ограничения в области определения пропозициональной функции на примере синтаксического отрицания. Соответствующий фрагмент русского синтаксиса состоит из трех групп структурных схем предложений: 1) из схем, вообще не принимающих отрицания, например *Ну и характер!*; 2) из схем, допускающих как наличие, так и отсутствие отрицания, таких в русском языке большинство, например, *Ученик читает, Ученик не читает. Не ученик читает* (подробнее на них остановимся ниже); 3) из таких схем, в которых отрицание является постоянным компонентом схемы и которые без этого компонента не существуют, таких схем насчитывается тринадцать (например: *Некуда пойти; Билетов не достать; Ни огонька; Сегодня не уснуть*)²⁸. С точки зрения области определения пропозициональной функции, — а все отрицательные схемы по определению являются видами этой функции — эти схемы распадаются на такие разряды:

А) семантически неограниченные, из общего количества 13 таких семь: *Нет* + род. падеж (*Нет покоя*); *Ничего* + род. падеж прилагательного (*Ничего нового*); *Ни* + местоимение + согласованное сущ. в род. падеже (*Никаких проблем*); *Не до* + род. падеж (*Не до театра*); *Не* + инфинитив (+ *же*) (*Не ночевать же!*)²⁹; *Не* + инфинитив совершенного вида (*Не проехать*); *Не* + страд. причастие на -о + род. падеж (*Не послано письма*);

Б) семантически ограниченные, из 13 таких шесть, они в свою очередь делятся на две группы: а) лексически неограниченные, таких четыре: Им. падеж + *не в* + вин. падеж (*Праздник не в праздник*); *Никого* + род. падеж (*Никого родных*); род. падеж + глагол на -ся (*Времени не остается, Трудностей не встречается*); *Ни* + род. падеж (*Ни души, Ни огонька*); б) лексически ограниченные, из шести схем таких две: одна с отрицательными местоимениями и наречиями типа *Некуда пойти, Не с кем говорить*; другая — с отрицанием *не* при инфинитивах двух глаголов *видать, слышать*: *Счастья не видеть, Такого голоса нам уж не слышать*³⁰ (схемы типа *Некуда пойти* и т. п. ограничены со стороны своего местоименного элемента).

Учет ограничений в области определения пропозициональной функции на примере синтаксического отрицания позволяет по-новому осветить некоторые сложные моменты синтаксиса. На первый взгляд кажется совершенно правомерным сопоставлять предложение *Ни души с Не было ни души* и *Не будет ни души*, и видеть в этом ряду оппозицию по линии времени: настоящее — прошедшее — будущее. Однако такой подход означал бы рассмотрение этих форм вне системы отрицательных предложений русского языка. На самом деле схема типа *Ни души* является безглагольной³¹, и, согласно общему правилу русского синтаксиса, соотносительные с нею формы синтаксического прошедшего и будущего времени должны были бы

²⁸ В части отрицательных предложений см. полное обследование в работе: К. В. Габучан, *Отрицательные структурные схемы простого предложения в современном русском литературном языке*. АКД, М., 1971; ниже используются ее данные в несколько иной классификации.

²⁹ Ср. тип без *же*: *Не жарко вам в валенках-то?* — *Не жарко: не плясать*.

³⁰ Последние схемы тяготеют к фразеологизации: параллельная к *видать* форма *видеть* здесь невозможна.

³¹ См.: К. В. Габучан, указ. соч., стр. 17.

образовываться посредством введения глагола «быть»³², в результате чего мы имели бы предложения *Ни души*, **Было ни души*, **Будет ни души*, т. е. грамматически неправильные формы. Можно было бы попытаться выйти из этого затруднения в поисках системности иным путем, предположив, что в форме *Ни души* мы имеем разновидность схемы *Нет ни души*, но только с пропущенным *нет*. В таком случае формы *Не было ни души*, *Не будет ни души*, действительно, могли бы быть поставлены с ней в один ряд. Но тут трудность возникает в самой форме *Нет ни души*, так как тогда *ни* оказывается здесь всего лишь факультативным, но не обязательным элементом, и, удалив его, мы получаем *Нет* + род. падеж (ср. *Души нет живой*; *Покоя нет!*), т. е. совершенно иную схему русского предложения. Во всех случаях попытки обнаружить системность в соотношении названных форм приводят к синтаксическим противоречиям и доказывают отсутствие синтаксической системности в этом месте.

Все дело в том, что сближенные здесь *Нет* + род. падеж и *Ни* + род. падеж являются двумя совершенно различными структурными схемами русского языка, а потому ряд *Ни души*, *Не было ни души*, *Не будет ни души* представляет собой всего лишь межсхемные, т. е. с точки зрения структуры предиката — второстепенные, а подчас и случайные отношения (случайные оппозиции). Они могут иметь системный характер лишь с точки зрения семантики, так как возникают на основе сходства в лексическом наполнении разных схем и распадаются с утратой лексического сходства. Подобным же образом решается вопрос о трехчленных рядах типа:

1	2	3
1. Такое бывает	Такое не бывает	Такого не бывает
2. Ответ пришел	Ответ не пришел	Ответа не пришло
3. Получено письмо	Не получено письмо	Не получено письма
4. Было о чем говорить	Не было о чем говорить	Не о чем было говорить
5. Там можно проехать	Там невозможно проехать	Там не проехать
6. Дождь	—	Нет дождя
7. Уже зима	Еще не зима	Еще нет зимы

Первая и вторая колонки представляют собой утвердительные и отрицательные варианты основных схем русского языка, допускающих в своем составе как утверждение, так и отрицание (это группа 2 на стр. 71). Третья колонка — это собственно отрицательные схемы русского языка, не допускающие никаких вариаций по линии утверждение — отрицание. Первые две колонки — в каждой горизонтальной строке соответственно — принадлежат к соответствующей одной парадигме предложения, третья колонка представляет совершенно иные парадигмы. Связь между двумя первыми колонками, с одной стороны, и третьей колонкой, с другой, не образует никакой парадигмы, она обусловлена лишь одинаковой семантикой выражений, стоящих в одном горизонтальном ряду.

Разумеется, нельзя не видеть связи между выражениями всех трех колонок, но все дело в том, что эти связи, как показывают детальные исследования, являются в современном русском языке регулярными лишь в рамках шести-семи семантических областей, показанных выше примерами под номерами 1—7. Если более тщательно описать области определения,

³² При более строгой теории даже такое сближение было бы неправомерным, см.: V. P i s a n i, Zum russischen Nominalsatz, IF, 49, 2, 1934; E. B e n v e n i s t e, La phrase nominale, в его кн. «Problèmes de linguistique générale»; с типологической точки зрения см.: Н. А. Б у л а х, К вопросу о выражении грамматической категории отрицания в индоевропейских языках, «Уч. зап. [Ярославск. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского]», 30 (40), 1957, стр. 53 и сл.

соответствующих шести или семи пропозициональным функциям (т. е. схемам предложения, данным в приведенных трех колонках), то будет получен совершенно определенный ответ на вопрос, в каких случаях допустимы семантико-синтаксические сближения типа *Получено письмо — Не получено письма*. Что ограничения здесь довольно серьезные, видно хотя бы из неправильности форм *Завтра меня вряд ли будет; Не приехало мамы* (фразы из речи иностранца).

Для современных теорий высказывания характерно четкое различение трех аспектов, или «функций», высказывания — 1) номинации, 2) предикации, 3) модальности³³. В связи с этим возникает вопрос о том, в рамках какого аспекта следует рассматривать синтаксическое отрицание. Является ли оно отрицанием номинации, отрицанием предикации или отрицанием модальности? Рассмотрим все три возможности.

В современной логике отрицанием специально занимаются те различные ее отделы, которые группируются под общим названием модальных логик и рассматривают его в качестве модальности. Для лингвиста интересно, что модальности при этом всегда описываются, во-первых, в противопоставлениях, во-вторых, в комбинациях. Простейший пример комбинаций таков: соединение суждения «Не необходимо *p*» и «Не необходимо не-*p*» союзом *и* порождает суждение случайности «Случайно, что *p*»³⁴. Здесь модальность «необходимо» и ее коррелят «возможно» (последний нами для упрощения из иллюстрации опущен) в комбинации порождает модальность «случайно» (ряд так называемых алетических модальностей)³⁵.

В лингвистике комбинаторная методика, вообще широко известная, к проблеме модальности, кажется, почти не применялась. Между тем, на основе того, что некоторые модальные категории, будучи основными, тем не менее могут рассматриваться как комбинации других основных категорий, оказалось возможным свести категорию наклонения в современном французском языке к комбинации форм глагольного времени: изъявительное наклонение заключается в системе форм выраженного времени, а сослагательное наклонение (*subjonctif*) — в системе нейтрализации тех форм времени, которые составляют индикатив³⁶. Таким образом, с нашей точки зрения, модальность возникает на основе категории времени, прежде всего актуального настоящего, имеющегося во всяком акте высказывания в момент его осуществления, а затем на основе других форм глагольного времени. Предикация же возникает на основе структурной схемы предложения как функтора и представляет собой значение этого функтора — вневременное утверждение связи признаков.

В академической «Грамматике» 1970 г. начало решения проблемы модальности, такое же, как у нас: изъявительное наклонение есть то, которое относит высказывание к одному из трех временных планов — настоящего, прошедшего, будущего³⁷. Но далее «Грамматика» идет по другому пути,

³³ О различении номинации от предикации с модальностью см.: Н. Д. А р у т ю н о в а, О номинативном аспекте предложения, ВЯ, 1971, 6; ср. также: В. З. П а н ф и л о в, указ. соч., стр. 166 и сл., особенно стр. 200; О различении всех трех аспектов см.: Ю. С. С т е п а н о в, Семантико-синтаксическая структура языка (три функции и три формальных аппарата языка), ИАН ОЛЯ, 1973, 4.

³⁴ См.: В. Ш в е р е в, Логический квадрат, «Философская энциклопедия», 3, М., 1964, стр. 238.

³⁵ О комбинации основных понятий в современной логике, в более широком плане, например, понятия «необходимо» из понятий «истинно» и «существует» у Карнапа, см., в частности: Я. А. С л и н и н, Теория модальностей в современной логике, «Логическая семантика и модальная логика», М., 1967, стр. 135—136.

³⁶ Ю. С. С т е п а н о в, Структура французского языка, М., 1965, стр. 86—88 и др.

³⁷ «Грамматика» 1970 г., § 1282, стр. 542.

она обобщает понятие модальности изъявительного наклонения и модальности ирреальных наклонений общим понятием объективной модальности, форма выражения которой — синтаксическая: прежде всего, сама структурная схема предложения, затем синтаксические наклонения. Основные изменения структурной схемы, ее парадигма и заключаются как раз в изменениях по линии объективной модальности³⁸. Тогда в категорию модальности должна войти не только категория синтаксического наклонения и иерархически подчиненная ей категория времени, но и категория синтаксического отрицания, потому что последние так же образует регулярные парадигматические ряды и сама по себе способна стать основой особых структурных схем (см. выше III).

Поскольку в проблеме модальности мы идем, как уже было сказано, иным путем, то с этой точки зрения синтаксическое отрицание, не имея отношения к категории времени, не может быть и формой категории модальности. Остаются две возможности: отрицание либо форма номинации (отрицание номинации), либо форма предикации (отрицание предикации). Рассмотрим эти возможности на примере оппозиций двучленных (или двухкомпонентных) предложений, состоящих из подлежащего и сказуемого. Они могут иметь отрицание либо при первом, либо при втором члене, либо при обоих сразу (другие возможные изменения категорий мы исключаем и рассматриваем эти предложения по линии других категорий — времени, порядка слов, лексического наполнения и т. д. — в неизменной форме). Вариации по линии отрицания образуют четырехчленную парадигму: 1) *Новичок играет*, 2) *Не новичок играет*, 3) *Новичок не играет*, 4) *Не новичок не играет*. К четырем парадигматическим формам надо присоединить еще одну, пятую, когда отрицание относится не к одному из членов предложения, как в четырех первых, а ко всему предложению в целом, и отрицаемому предложению эксплицитно или имплицитно может быть противопоставлено другое целое предложение: 5) *Не ветер бушует над бором*, *Не с гор побежали ручьи*, [Мороз-воевода дозором Обходит владенья свои]; *Не лед трещит*, *не комар пищит*, [То кум до кумы судака тащит].

Форма (2), взятая в ее письменном виде, является омонимом, точнее омографом, трех предложений, отрицаемая часть которых для наглядности взята в скобки: а) (*Не новичок*) *играет*, в смысле «Играет опытный мастер»; *не новичок* здесь семантический, выраженный лексемой, антоним к *новичок* и синоним к *мастер*, *опытный человек*³⁹; отношение этого предложения к форме (2) носит семантический характер, с синтаксической точки зрения — это случайная оппозиция; б) *Не (новичок) играет*, в смысле «Играет не тот, кого мы называем новичком в нашей среде», ср. *Петров играет* — *Не Петров играет*, это отрицание чисто синтаксическое; в) *Не (новичок играет)* — в противопоставлении, например, следующему: *Не новичок играет, а инструмент плохой, в этом все и дело*, ср. *Не ветер бушует над бором...*

Обычно считают, что отрицание в русском языке связано с так называемым логическим ударением: элементы фразы, допускающие выделение логическим ударением, допускают и постановку отрицания при них. Может быть, это и справедливо вообще, но имеются и факты, как будто противоречащие. Так, форма (5) — *Не ветер бушует над бором* — имеет логическое ударение на *ветер*, там же стоит и отрицание, однако логически отрицается не часть фразы, связанная со словом *ветер*, а все высказывание. Форма (4) — *Не новичок не играет* — вряд ли имеет прямое отношение к

³⁸ Там же, § 1354, стр. 577.

³⁹ О таком типе антонимии в русском языке см.: Л. А. Новиков. Логическая противоположность и лексическая антонимия, «Р. яз. в шк.», 1966, 4.

расстановке логических ударений, ср. еще: *Не смелый не играет в хоккей* = *Трус не играет в хоккей*; *У вас горло болит?* — *Не горло, и не болит*, и т. п. Поэтому, вплоть до детального исследования отношений между логическим ударением и отрицанием в русском языке, мы будем рассматривать эти категории как независимые. Это во всяком случае грозит меньшими ошибками, чем слишком поспешное соединение. Реальные отношения по линии отрицания, конечно, сложнее, чем можно показать на пяти членах парадигмы. В соответствии со всем сказанным выше нужно выйти за рамки примера одной парадигмы и рассматривать весь соответствующий фрагмент синтаксиса. Взятая для примера парадигма была максимальной — четыре основные формы допускали наличие отрицания — отсутствие отрицания. Как показала К. В. Габучан, класс таких парадигм в целом делится на три группы: а) схемы, имеющие все четыре формы, как приведенный пример, б) схемы, имеющие три формы, в) схемы, имеющие две формы. В остальном характер отношений в классе в целом не меняется. Наконец, имеются схемы с фиксированным отрицанием, не допускающие никаких вариаций по линии отрицания — утверждения. Именно такой парадигматический характер синтаксического отрицания заставляет считать его формой предикации.

Осталось показать особенности формы (5). Сделаем это по аналогии с анализом в логике. Высказывание, описывающее нечто, например, высказывание «р», рассматривается как равносильное утверждению «Имеет место, что р»⁴⁰. Аналогично в естественном языке высказывание *В Арктике живут белые медведи* одновременно описывает и тем самым называет определенную ситуацию (выполняет «функцию» номинации) и утверждает существование признаков этой ситуации (выполняет «функцию» предикации). В «функции» номинации оно имеет синонимичную форму в виде *Проживание в Арктике белых медведей*. В «функции» предикации оно имеет синонимичную форму *Имеет место, что в Арктике живут белые медведи*. Точно так же обстоит дело в случаях *Новичок читает*; *Петров читает*; *Ветер бушует над бором*. Отрицательная форма *Не (новичок читает)*; *Не (ветер бушует над бором)* и т. п. противопоставлена форме предикации *Имеет место, что (новичок читает)*, *Имеет место, что (ветер бушует над бором)*, но не противопоставлена форме номинации (заключенной в скобки). Итак, если в форме без отрицания *Ветер бушует*; *Новичок читает* и т. д. выражаются одновременно две «функции» — номинации (описания ситуации) и предикации (утверждения признаков ситуации), то в форме (5) с отрицанием эти функции разъединяются: форма (5) соответствует лишь отрицанию предикации, но не отрицанию номинации.

Синтаксическое отрицание в русском языке, т. е. отрицательные структурные схемы предложения, является специфической формой предикации как вневременного утверждения признаков. Отрицание же номинации, или отрицательная номинация, очевидно связаны с отрицательными формами глагольного слова. Вопрос об отрицании модальности и об отрицательной модальности требует специального изучения.

⁴⁰ Ср.: Я. А. С л и н и н, Об итерированных модальностях в современной логике, «Неклассическая логика», М., 1970, стр. 286—288.